

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ

П. ГИЛИС

Управление с развитием экономики видоизменяется. Меняется его статус, широта охвата им экономических явлений, его инструментарий — типы, методы управленческих воздействий. Политическая экономия, учитывая весь комплекс конкретных условий, должна установить адекватный данной степени развития общества набор средств управления. Нет необходимости доказывать, что эта задача имеет не только чисто научный, но и практический смысл. Давая научные ориентиры, оценку степени адекватности данным социально-экономическим условиям тех или других инструментов, «техник» управления — политическая экономия — может помочь хозяйственной практике избежать ненужных блужданий, уменьшить тем самым потери живого и овеществленного труда.

Справиться с этой задачей политическая экономия может, если соблюдаются, по крайней мере, два условия. Во-первых, хорошо известна, точно концептуализирована «инструментальная», «техническая» сторона управления. Во-вторых, если достаточно разработана общая экономическая теория, если достаточно глубоко знание сущностных основ социалистической экономики.

Под социально-экономическими характеристиками мы понимаем те признаки экономических явлений и процессов, которые определяются глубиной, сущностной стороной экономической действительности и которые отражены в таких экономических категориях, как товарное и непосредственно общественное, стихийность и планомерность, частная и общественная собственность. В данной статье управление будет рассматриваться с точки зрения товарности, отношений собственности и глубинной тенденции гуманизации экономических процессов как одного из основных векторов общественного прогресса.

С социально-экономической точки зрения может изучаться функциональное содержание управления, проблема централизации и децентрализации, а также другие вопросы, касающиеся «технической» стороны экономического управления. В статье предметом исследования являются социально-экономические характеристики типов управления. Мы выделяем четыре типа экономического управления: прямое директивное управление, прямое интегративное управление, косвенно-нормативное управление и косвенно-информативное управление (шире об этом см.: 6, с. 102—111).

Под прямым директивным управлением мы понимаем процесс, в котором управляющий субъект передает конкретно-адресное задание управляемому объекту и выделяет необходимые для этого ресурсы. Здесь существует отчужденность, обособленность субъекта и объекта управления. Последний выполняет задания лишь под воздействием «силовых» (к ним относятся и материальные) стимулов (6, с. 88—89).

Прямое интегративное управление осуществляется в системе, где субъект и объект управления понимают принципиальную общность своих интересов. Здесь субъект управления тоже передает объекту управления адресное задание. Но в данном случае субъект управления использует не корыстные интересы или страх объекта, а склоняет последнего к выполнению адресного задания, убеждая, что это принесет пользу и ему. В прямом интегративном управлении срабатывают такие мотивы, как возможность самовыражения, развитие своей личности, проявление гражданственности. Если в прямом директивном управлении (как и в косвенно-нормативном) главное — так называемые внешние стимулы, то в прямом интегративном в качестве определяющих выступают внутренние стимулы.

В косвенно-нормативном управлении субъект управления воздействует на объект управления не непосредственно, а через условия его жизнедеятельности. Изменяя цены и другие нормативы (параметры), он пытается направить деятельность объекта в нужном ему направлении.

В процессе косвенно-информативного управления субъект управления издает общую неадресную информацию об общей, отраслевой или территориальной конъюнктуре, о возможных сдвигах в ней, о том, какие действия были бы желательны с точки зрения субъекта управления.

В условиях капитализма свободной конкуренции, который представлял собой более или менее чистую товарную экономику, управление осуществлялось лишь на уровне отдельной хозяйственной единицы. Причем в то время преобладали методы прямого директивного управления. Система стимулов сводилась, по существу, только к внешним стимулам. Управление капиталистическим предприятием было высоко централизованным и формализованным. С развитием капитализма, с перерастанием его в монополистический капитализм и в государственно-монополистический капитализм (ГМК) статус и средства управления постепенно меняются. Появляются элементы макроэкономического (в основном косвенного) управления. В последние десятилетия наблюдаются тенденции гуманизации, демократизации управления. Все эти изменения порождены глубинными экономическими причинами. Усиление, развитие системообразующих связей в капиталистической экономике, качественно новые требования к рабочей силе, человеческому фактору, а не только гуманистические соображения сделали необходимым переход к новым формам управления.

Объективная необходимость гуманизации экономического управления нашла свое отражение и в западной науке об управлении — в теории менеджмента. Известные во всем мире Хоторские эксперименты Э. Мейо, работы К. Арджириса, Р. Ликерта, Д. Макгрегора нашли отклик в академических слоях, а также среди представителей бизнеса. Однако, как признают некоторые западные исследователи, реальное влияние гуманистической доктрины управления на хозяйственную жизнь капиталистических стран довольно невелико. Нередко это объясняется тем, что эта доктрина не носит универсального характера, что она не всегда адекватна конкретным условиям, существующим в той или другой фирме (см.: 11).

По нашему мнению, незначительное влияние гуманистической доктрины управления на Западе объясняется более глубокими причинами, кроющимися в сущности самого экономического строя. Гуманистическое направление менеджмента пропагандирует демократические методы управления, развивающие у работников лояльность по отношению к фирме, чувство соучастия. Но это чувство не может развиваться до чувства сохозяина — этого не могут допустить настоящие хозяева фирм. Следовательно, частный способ присвоения является самым серьез-

ным препятствием для полной демократизации управления фирмами. А это, в свою очередь, означает, что в рамках капиталистической системы хозяйствования кардинально решить проблему гуманизации экономических процессов нельзя. Управление при капитализме не становится ни полностью гуманным, ни полностью демократическим, ибо оно в конечном счете направлено на реализацию частных (части общества) интересов, а не общих, общественных.

Только при социализме возможна принципиальная смена акцентов в экономическом управлении — от реализации частных к реализации общих интересов. С победой социализма государственное управление экономикой (в отличие от управления, осуществляемого в условиях ГМК) проводится исходя из интересов всего общества. Однако на первом этапе своего развития, точнее, до полной и окончательной победы социализма наше общество не могло отказываться от силовых методов управления (классовая борьба внутри страны, внешнеполитические причины, низкая квалификация кадров). К сожалению, по ряду субъективных причин «философия», касающаяся форм и способов управления, по существу, не менялась, несмотря на изменения внутри страны, а также в глобальном масштабе. До настоящего времени упор делался на прямое директивное управление, на административное давление, право принятия решений было сосредоточено на верхних ярусах системы управления, процессы экономического управления были детально формализованы. Господствовало мнение, что такая «философия» управления является неотъемлемой частью социализма. Это выдавалось за одно из основных преимуществ социалистического строя. Считалось, что только посредством такой системы управленческих средств могут быть реализованы непосредственно общественные отношения, отношения между ассоциированными в масштабе общества производителями, отношения общественной собственности и планомерности*.

Это являлось заблуждением, которое долгое время нельзя было преодолеть по целому ряду причин. Одна из самых важных причин данного заблуждения состояла в том, что существовавшее в управлении положение официально поддерживалось монополистами на научную истину.

В условиях централизованного и формализованного прямого директивного управления не могут свободно развиваться непосредственно общественные, ассоциированные связи** И хотя выше всех при этом ставятся общесистемные общественные цели (если в управлении не происходила автономизация целей (6, с. 150)), тот факт, что они осуществляются автократически, что нижние звенья и отдельные работники находятся в положении чистых исполнителей, порождает отчужденность между государством и членами общества. Непосредственно к осуществлению общественных целей коллективы и работники подключались лишь формально. Реально же их деятельность в немалой степени носила *опосредованно общественный характер*. В жизни предприятия и работники вели себя как относительно обособленные производители, для которых выполнение директивно установленного плана является лишь средством улучшения своего экономического положения (следует помнить, что план, не являясь продуктом широкого общественного обсуждения, тоже лишь формально представлял истинно общественные потребности общества). Производители непосредственно не были заин-

* Наша позиция по вопросу о прямом директивном управлении имеет немало точек соприкосновения с позицией А. Бузгалина и А. Колганова. Но, по нашему мнению, они пользуются недостаточно точным понятийно-категориальным аппаратом, их понимание проблем управления недостаточно системно (см.: 5).

** Наша концепция непосредственно общественной, а также товарной формы производства изложена в другой работе (см.: 6).

тересованы в общем, общественном благе. В рамках этой «философии» управления не может произойти принципиальное сближение между понятиями «мое» и «наше».

Здесь также не может быть решена проблема активизации и гуманизации хозяйственной жизни. Сведение деятельности основной массы работников исключительно к исполнительским функциям, строгая регламентация, формализация этой деятельности не создают условий для развития трудовой активности, инициативности.

Слабость системы обратных связей, которая характерна для систем управления, основанным на прямом директивном управлении, затрудняет осуществление функции планирования. Планы, созданные «высоко» и «далеко» от реальной хозяйственной жизни отчужденными от общества государственными органами управления, страдают большой неточностью. В результате возникает стихийность, которую в отличие от рыночной стихийности можно назвать плановой стихийностью.

Из сказанного можно сделать вывод, что экономическую систему, основанную на прямом директивном управлении, нельзя назвать чисто непосредственно общественной, ибо ей свойственны экономическая обособленность хозяйственных субъектов, опосредованно общественный характер их деятельности, определенная степень стихийности и т. д. Это позволяет говорить о присутствии в ней скрытых товарных элементов. Формально имманентные этой системе формы хозяйствования носят непосредственно общественный характер, на самом же деле под ними скрываются товарные элементы.

Таким образом, можно сделать вывод, что в модели прямого директивного управления существуют и черты непосредственно общественного и товарного хозяйствования и что она с течением времени постепенно должна перерасти в прямое интегративное управление, управление, основанное на прямой мотивации.

В настоящее время наблюдается всеобщий интерес к косвенно нормативному управлению, которое в литературе обычно обозначается термином «экономические методы управления». Мы считаем, что научное мнение по данному вопросу впало в очередную крайность. Если в прошлом методы косвенного воздействия в экономике недооценивались, то теперь наблюдается переоценка, некритическое возвышение этих методов*.

Экономическая наука, в отличие от «здорового» смысла, должна критически, всесторонне, исходя из явных критериев оценивать всякое экономическое явление, в том числе и косвенно-нормативное управление.

Что собой представляет косвенно-нормативное управление, если его рассматривать с точки зрения товарной и непосредственно общественной форм? Модель косвенно-нормативного управления имеет много общего с чисто товарной формой хозяйствования. В этой модели экономика состоит из относительно обособленных хозяйственных единиц, ибо каждая из них в своей деятельности исходит прежде всего из собственного интереса улучшить свое экономическое положение. В рамках системы косвенно-нормативного управления так же, так и в чисто товарной модели хозяйствования, сами экономические субъекты принимают самостоятельные решения, ориентируясь на конъюнктуру рынка. Принципиальная разница между чисто товарной моделью хозяйствования и моделью косвенно-нормативного управления состоит в том, что в первом случае все параметры рынка (цены, ссудный процент и т. д.) устанавливаются стихийно, самопроизвольно, а во втором эти параметры, становясь рычагами управления, определяются сознательно. Поэто-

* Более трезво на данный тип управления смотрят экономисты Венгрии, страны, в которой этот тип широко используется уже некоторое время (см.: 12, с. 81—92).

му во втором случае нельзя говорить о рынке в классическом его понимании. Речь может идти лишь о *квазирынке*.

То, что рынок в определенной степени теряет свою стихийность, что государственные органы экономического управления, варьируя параметрами квазирынка, сознательно направляют деятельность хозяйственных единиц в нужном обществу направлении, не позволяет модель косвенно нормативного управления отождествлять с чисто товарной формой хозяйствования. В экономических отношениях, возникающих в процессе косвенно-нормативного управления, явно присутствуют и элементы непосредственно общественной формы. Следовательно, правы А. Бузгалин и А. Колганов, когда пишут, что косвенно-нормативное управление (они используют термин «экономические методы управления») несет в себе «печать противоречивой сращенности двух генетически разнородных начал: товарного и планового хозяйства» (4, с. 38).

Таким образом, можно сделать вывод, что косвенно-нормативное управление следует считать промежуточным (как в логическом, так и в историческом плане) между чисто товарной и чисто непосредственно общественной формами хозяйствования. Переход к более высокой форме хозяйствования — системе общественного самоуправления — означает постепенное отрицание этих низших форм и усиление влияния прямого интегративного и косвенно-информирующего управления.

Фундаментальное значение с точки зрения исследуемого вопроса о социально-экономической определенности экономического управления имеет проблема соотношения этой категории с категорией собственности. Взаимосвязь этих категорий выражается в том, что управление является важнейшей стороной реализации отношений собственности. Экономический субъект всегда реализует себя как собственника посредством участия в управлении. «К сожалению, сегодня еще нельзя сказать,— пишет А. Еремин,— что концепции совершенствования управления опираются на теорию собственности или исходят из необходимости развития социалистической собственности» (7, с. 11).

Вопрос о содержании собственности занимает особое место в экономической науке. К сожалению, несмотря на огромную литературу по этому вопросу, с началом перестройки нашего общества, которая затрагивает и политэкономии, оказалось, что экономическая наука не располагает целостной концепцией собственности. Как отмечает О. Богомолов, в господствовавшей до сих пор трактовке собственности было немало элементов ненаучного. Эта ненаучность выражалась в недialeктическом толковании государственной собственности, которая как будто бы не подлежит развитию и совершенствованию, в недооценке кооперативной собственности, в том, что не рассматривались другие возможные формы собственности (например, коммунальная собственность Советов) (см.: 3). К этому можно добавить, что игнорировалась реально существующая полицентричность, полисубъектность отношений собственности при социализме.

Разумеется, в данной статье нет возможности раскрыть содержание такого сложнейшего экономического явления, каким является собственность. Тем не менее нам не обойтись без определения собственности, пусть даже очень общего. В нашем понимании собственности как экономической категории принципиальное значение имеет выяснение, кто и в чьих интересах владеет, распоряжается и использует все общественное богатство, ресурсы или их часть.

В условиях капитализма экономически обособленный экономический субъект — капиталист владеет, распоряжается и использует имеющиеся на его предприятии экономические ресурсы в своих собственных, частных интересах. Поэтому он является носителем отношений частной собственности.

Если же экономическими ресурсами страны владеет, распоряжается, использует их все общество в интересах всего общества, то можно говорить о существовании общественной собственности.

Общая логика развития общественной собственности такова, что в момент ее появления в ней существуют элементы частного (это относится как к колхозно-кооперативной, так и к государственной собственности). С ходом истории, если процесс социалистического развития не замедляется разного рода волюнтаристскими решениями, искажением принципов социалистического хозяйствования, происходит постепенное, объективно обусловленное и организационно оформленное «очищение» государственной и кооперативной собственности от того, что можно было бы отнести к частному. В итоге историческое развитие этих форм собственности должно привести к появлению более или менее «чистой» общественной собственности. Наша задача состоит в рассмотрении этого процесса только с одной стороны, т. е. с точки зрения исторического развития экономического управления.

Сразу же подчеркнем, что мы не согласны с широко принятой в экономической литературе интерпретацией социалистической государственной собственности как общенародной (см.: 9, с. 91). Общественная собственность — это дело будущего. Ее субъектом будет весь народ, все общество, состоящее из ассоциированных экономических субъектов. В настоящее же время существующая государственная собственность является лишь довольно неразвитым прототипом общенародной собственности.

Субъектом социалистической государственной собственности является государство. Оно в условиях социализма еще не становится слившимся воедино с обществом центром системы общественного самоуправления. Государственный аппарат возвышается над обществом, во многом являясь аппаратом властвования. Он, представляя экономические интересы всего общества в целом, сам в определенной мере остается обособленной частью общества. Факт существования этой обособленности отражается на всей экономической системе социализма, в том числе и на отношениях собственности.

В социалистическом обществе еще существуют элементы отчужденности между государством и остальной частью общества. Эти элементы существуют и тогда, когда в управлении экономикой превалирует прямой директивный тип, и в том случае, когда в государственном управлении доминирует косвенно-нормативный тип. Отчужденность между государством и членами общества особенно усиливается в том случае, если люди, занятые в государственном аппарате, начинают свои корыстные цели ставить выше общественных, если отсутствует действенный контроль за деятельностью государственных органов.

Всякое повышение степени обособленности государственного аппарата, степени отчужденности между ним и остальной частью общества неизменно ведет к усилению элементов частного в реальном, экономическом (в отличие от формального, юридического) присвоении. Если государство, выступающее в роли собственника, сохраняет черты обособленного, отчужденного экономического субъекта, то и реализуемые в процессе государственного управления отношения общественной собственности будут характеризоваться какой-то долей частного*.

Важно также отметить, что при социализме еще не происходит полного воссоединения производителя и собственника. При социализме возможно только частичное соединение этих функций, точно так же, как возможна только частичная ассоциация производителей.

* Поэтому, как пишет А. Еремин, «отношение общественной собственности в реальной действительности проявляется все же неполно, какие-то черты его представляются в потенции» (7, с. 12).

Сказанное относится и к традиционной модели социалистического хозяйствования, в которой господствующее положение занимает прямое директивное управление, и к модели, которая нашла применение в Венгрии и в которой на первом плане стоит косвенно-нормативное управление. В обеих моделях и государство, и предприятия являются относительно обособленными экономическими субъектами.

В первой из этих моделей государство сосредоточивает в своих руках основную долю функций владения и распоряжения экономическими ресурсами. За предприятиями в основном закрепляются функции использования этих ресурсов. Обоим экономическим субъектам — государству и предприятию свойственна экономическая обособленность, в своей деятельности они выступают как относительно обособленные части общества, что на осуществляемые ими функции владения, распоряжения и использования накладывает отпечаток частного.

Сказанное, конечно, не означает, что в деятельности предприятий в данном случае абсолютно отсутствуют другие элементы названной триады. Руководство предприятий в условиях господства прямого директивного управления имеет определенные права по распоряжению выделенными предприятию ресурсами. Но это право обычно ограничивается рамками предприятия. Последнее очень часто лишено возможности участвовать в решении вопросов более широкого плана, т. е. вопросов, касающихся отрасли, республики и т. д. Если такое участие и есть, то оно носит формальный характер. Более того, даже в решении вопросов по распоряжению ресурсами внутри предприятия вмешиваются «верхние» ярусы системы управления, особенно министерства.

В отношении этой модели можно сказать, что в ней основным экономическим субъектом, носителем отношений собственности является государство. Однако, если исходить из формулы, что характер собственности можно определить, установив, кто и в чьих интересах присваивает ресурсы, управляет ими, то должны будем признать, что отношения собственности в этой системе полицентричны, что существуют и другие субъекты собственности: руководство предприятий, министерства, местные органы. Поэтому в этой модели наряду с государственной собственностью могут появиться элементы коллективной (групповой), отраслевой, местной собственности.

И все же в данной модели управления экономикой, если ее рассматривать в идеале, отношения собственности имеют ярко выраженный центростремительный характер. Главным носителем этих отношений являются центральные государственные органы управления экономикой, и превыше всего (напомним, речь идет об идеальной модели) ставятся общественные интересы. В свое время этого было достаточно для того, чтобы прямое директивное управление (директивность планов и т. д.) и реализуемая с его помощью государственная собственность объявить чуть ли не абсолютно прогрессивными. В настоящее время происходит пересмотр этих хрестоматийных истин. Главный вывод, который можно сделать уже сейчас, состоит в том, что ни прямое директивное управление, ни реализуемая с его помощью государственная собственность не являются идеалами. В пределах данной модели управления ресурсы управляются исходя не только из общественных, но и из коллективных, ведомственных, местных и даже индивидуальных интересов. К тому же, как правильно отмечает Т. И. Заславская, прямое административное управление тормозит «чувство хозяина» (8, с. 14)*.

* У наших работников не развито ни чувство коллективного сохозяина, которое должно проявляться в масштабе предприятия, ни чувство общественного сохозяина, которое должно проявляться в отношении общеэкономических, макроэкономических процессов. В процессах хозяйствования следует поощрять обе эти черты работников. Более сложно формировать вторую черту.

В пределах второй модели, в основе которой лежит косвенно-нормативное управление, предприятиям предоставляются широкие права по самостоятельному распоряжению ресурсами, т. е. здесь значительная часть функций собственника по практическому распоряжению и использованию ресурсов возлагается на предприятия. Государство в этой модели сохраняет за собой в основном функцию владения и лишь некоторые элементы функции распоряжения, связанные прежде всего с формированием нормативной базы деятельности предприятий. На основе прав собственника государство получает определенную часть дохода предприятий, которая в дальнейшем используется в интересах общества. На этих же правах оно может принимать участие в формировании руководящего состава работников предприятия.

Тот факт, что в модели косвенно-нормативного управления большая часть функций собственника делегируется коллективам предприятий, позволяет говорить о том, что в этой модели общественная собственность проявляет себя не столько в форме государственной собственности, сколько в форме коллективной собственности. По-видимому, прав В. М. Якушев, утверждая, что «методы управления, основанные на законе стоимости, предполагают определенную экономическую обособленность предприятий и поэтому больше соответствуют природе кооперативной, а не государственной собственности» (10, с. 58). Однако в данном случае нельзя говорить о коллективной (групповой) собственности «в чистом» виде, ибо предприятие включено в систему государственного экономического управления. Оно, хотя и косвенными средствами, подключено к реализации общественных целей.

В модели косвенно-нормативного управления экономикой в целом возможны два варианта реализации общественной собственности. Первый из них осуществляется в том случае, когда внутри самого предприятия управление осуществляется в основном прямыми директивными способами или, как принято говорить, с помощью административных методов. Здесь отсутствует выборность руководителей, не развиты демократические, гласные процедуры принятия решений и т. д. В рамках такой системы большую часть функций собственника, возложенных на предприятия, осуществляет их руководство, т. е. здесь в роли сохозяина выступает не весь коллектив, а его часть (в таких случаях отчужденная от него) — руководители предприятия, — которая с точки зрения общества является частью части*.

Если же управляемые со стороны государства в основном косвенно-нормативными методами предприятия функционируют на демократических основах, если внутри их развито самоуправление, то тогда работники будут выступать в роли сохозяев на уровне предприятия. То есть здесь реальное развитие получают отношения коллективной собственности. Конечно, в такой системе начала общественного в отношениях собственности гораздо сильнее, чем в первой, хотя и в данном случае сохраняются элементы частного.

Магистральным направлением развития отношений собственности при социализме является их очищение от элементов частного. Если это развитие рассматривать с точки зрения управления, то очевидно, что оно связано в первую очередь с развитием самоуправления. Развитие самоуправления на уровне предприятия будет способствовать развитию подлинной коллективной собственности, развивать чувство сохозяина в пределах предприятия. Создание системы общественного самоуправления, охватывающей все ярусы экономики, будет означать образование общенародной собственности, «чистой» общественной собствен-

* Развитие коллективных начал в управлении социалистическими предприятиями является одним из главных направлений его совершенствования, предусмотренных в новом Законе о государственном предприятии (объединении) (см.: 2, с. 12—18).

ности, так как, по существу, все члены общества смогут участвовать в реальном процессе владения, распоряжения и использования имеющихся у общества ресурсов. Тогда, по словам Ф. Энгельса, « все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, т. е. будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества» (1, с. 330).

Но это — лишь далекая перспектива развития социалистической экономики. Если же исходить из условий настоящего времени, то следует иметь в виду, что в данный период, когда наше общество функционирует на основе сравнительно неразвитых производительных сил, когда сохраняется относительная экономическая обособленность между экономическими субъектами, возможен лишь постепенный, всесторонне продуманный переход к системе общественного самоуправления, а тем самым и к возрастанию роли прямого интегративного и косвенно-информационного управления. Данному этапу развития наиболее адекватно такое сочетание типов управления, в котором главную роль играло бы косвенно-нормативное управление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.— Т. 4.
2. О коренной перестройке управления экономикой: Сборник документов.— М.: Политиздат, 1987.
3. Богомолов О. Политэкономия экономике // Известия.— 1987.— № 13.
4. Бузгалин А., Колганов А. Экономические законы и «экономическое управление» // Экономические науки.— 1985.— № 8.
5. Бузгалин А., Колганов А. Экономические законы и «административное» управление // Экономические науки.— 1987.— № 1.
6. Гилис П. Экономика, хозяйственный механизм, управление.— Вильнюс: Минтис, 1987.
7. Еремин А. Общественная собственность, современные проблемы ее реализации // Экономические науки.— 1987.— № 1.
8. Заславская Т. И. Экономика сквозь призму социологии // ЭКО.— 1985.— № 7.
9. Политическая экономия социализма — теоретическая основа экономической политики КПСС.— М.: Мысль, 1986.
10. Якушев В. М. Демократический централизм в управлении народным хозяйством // Социологические исследования.— 1984.— № 2.
11. Alvenson M. The Limits and Shortcomings of Humanistic Organization Theory // Acta Sociologica.— 1982.— No 2.
12. Kornai J. Contradictions and Dilemmas.— Cambridge, Massachusetts, 1985.